

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

въ конторѣ редакціи, на Эриванской площади, въ домѣ Харазова, № 3, въ Тифлисі.

Контора открыта ежедневно отъ 9 до 2 и отъ 5 до 7 часовъ вечера.

Цѣна отдѣльнаго номера 20 к.

ФЛАЖА

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Съ доставкою на домъ:

На 1 годъ	8 р. — к.
„ 6 мѣсяцевъ	4 „ 50 „
„ 3 мѣсяца	2 „ 50 „

Съ разсылкою по Имперіи:

На 1 годъ	8 р. 50 к.
„ 6 мѣсяцевъ	5 „ — „
„ 3 мѣсяца	2 „ 75 „

ХУДОЖЕСТВЕННО-ЮМОРИСТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ
ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ.

Нефтяное озеро

Естественная эксплуатация Кавказскихъ богатствъ.

А. Степановъ

НАВУХОДОНОСОРЬ

(Из Беранже)

Сюжетъ библейскій нынче въ модѣ,—
И я спѣшу прославить въ одѣ
Вождя, который сталъ быкомъ.
Для древнихъ чудо было въ томъ!
Весь дворъ новинкою плѣнялся,
Вождемъ рогатымъ восхищался,
И восклицалъ наемный хоръ:
„Ура, Навуходоносоръ!“

**

Герой мычить,—ему внимаютъ,
Его съ рогами поздравляютъ
И повторяютъ каждый часъ:
„Египетъ богомъ счелъ бы васъ!“
Кто-бъ ни давилъ ихъ — вождь-ли,
быкъ-ли,
Имъ все равно: они привыкли!
И восклицалъ наемный хоръ:
„Ура, Навуходоносоръ!“

**

Вождь быстро свикся съ перемѣной,
Исправно ѣлъ въ конюшнѣ сѣно
И видѣлъ только въ томъ всю власть,
Чтобы поѣсть и выпить въ-сласть.
Его „ученымъ“ называли,
Дипломъ почетный даже дали!..
И восклицалъ наемный хоръ:
„Ура, Навуходоносоръ!“

**

Въ „благонамѣренной“ газетѣ
Читали всѣ, что „на совѣтѣ
„Ни разу быкъ не засыпалъ,
„Хотя отчаянно зѣвалъ.“
Какъ не цѣнить быка такого!?
Дворъ видѣлъ въ немъ отца родного
И восклицалъ наемный хоръ:
„Ура, Навуходоносоръ!“

**

Жрецы съ него за дымъ кадилный
Налогъ взимали столь обильный,
Что весь народъ въ концѣ концовъ
Былъ въ полномъ рабствѣ у жрецовъ.
И даже—молвить между нами—
Самъ быкъ оеѣдланъ былъ жрецами...
И восклицалъ наемный хоръ:
„Ура, Навуходоносоръ!“

**

Тогда рѣшились всѣ народы
Избрать вождя другой породы.
Хоть могъ и хуже быть другой,
Но быкъ былъ отданъ на убой,

И въ постъ великій, безъ стѣсненья,
Былъ взятъ жрецами-жъ на съѣденье!
И восклицалъ наемный хоръ:

„Ура Навуходоносоръ!“

**

Пѣвцы передней и лакейской!
Хорошъ-ли мой сюжетъ библейскій?
Онъ долженъ быть по нраву вамъ,—
Его одобрилъ цензоръ самъ!
Чтобъ подслужиться сильнымъ міра,
Пускай воспрянетъ ваша лира
И повторить, какъ древній хоръ:
„Ура, Навуходоносоръ!“

Иванъ—да—Марья.

ПО ВОЛНАМЪ ЖИТЕЙСКАГО МОРЯ

Европейская наука наконецъ и насъ по-
сѣтила: дорогие ученые гости, наконецъ, и къ
намъ пожаловали. Завтра у насъ, въ Тиф-
лисѣ, открывается археологическій съѣздъ,
на который, какъ говорятъ, изъ разныхъ
дальнихъ странъ явилось множество уче-
ныхъ мужей, съ цѣлью раскопать наши дре-
вности. Нѣтъ сомнѣнія, что кавказскіе иско-
пательныхъ дѣлъ мастера примутъ своихъ
дорогихъ гостей-собратовъ со всѣми опера-
ми восточнаго гостепрѣимства. Повара, офи-
ціанты и „метръ-д'отели“ Тифлиса уже го-
товятся къ неутомимой кулинарно-археоло-
гической дѣятельности. Въ первый-же день,
по всей вѣроятности, будетъ данъ дорогимъ
гостямъ археологическій обѣдъ съ ископае-
мымъ *меню* временъ Лугулла, съ каменны-
ми вилами и ножами временъ царя Сине-
керима Велемудраго и съ салфетками, кото-
рыми утирался Навуходоносоръ и его сви-
та. Послѣ обѣда не мѣшаетъ повести доро-
гихъ гостей-археологовъ въ наши древнія
восточныя бани, гдѣ любители старины мо-
гутъ вполне насладиться прелестями тѣлес-
наго и душевнаго очищенія временъ Семи-
рамыды и Сарданапала и познакомиться съ
опрятностью Кира и Камбиза.

Отъ души привѣтствуемъ этотъ праздникъ
чистой науки и въ знакъ восторга бросаемъ
въ воздухъ старыя „цилиндры“!..

**

... Едва-ли господа археологи могли най-
ти другую, болѣе подходящую къ ихъ дѣя-
тельности и къ ихъ вкусамъ, часть земнаго
шара, какъ именно Россію вообще и Кав-
казъ въ особенности. Нигдѣ не сохранилось
столько величественной древности, нигдѣ
нельзя встрѣтить такъ много допотопныхъ
порядковъ, какъ именно тутъ, въ этой части
земнаго шара. Не подлежитъ сомнѣнію, что
соръ всемірной исторіи какъ нельзя лучше
застрялъ въ извилинахъ, щеляхъ и прорѣ-
хахъ Кавказскихъ горъ и что великія исто-
рическія метелки послѣднихъ двухъ столѣ-

тій были не въ силахъ вымести ни одной
соринки изъ этой морщинистой местности.
По этому ясно, что у насъ, на Кавказѣ,
господа европейскіе археологи на яву мо-
гутъ увидѣть такія древности, о которыхъ,
разумѣется, они никогда и въ книгахъ не
читали и отъ которыхъ, навѣрно, на ихъ
ученыхъ головахъ станетъ дыбомъ учеными
трудами ослабленный волосъ. Въ виду всѣхъ
этихъ соображеній, тифлисскій археологиче-
скій съѣздъ неминуемо долженъ затѣмъ собою
всѣ предыдущіе съѣзды, такъ какъ мѣстная
жизнь открываетъ для него широкое поле
для дѣятельности и наблюденій. Такъ, на-
примѣръ, археологическій съѣздъ съ успѣ-
хомъ можетъ заняться въ Тифлисѣ: 1) из-
слѣдованіемъ допотопныхъ порядковъ, су-
ществующихъ во многихъ Тифлисскихъ по-
мѣщеніяхъ; 2) научнымъ анализомъ тифлис-
ской грязи, каковая грязь несомнѣнно долж-
на быть признана очень древней, такъ какъ
она бережливо сохраняется въ нашихъ пе-
реулкахъ, канавахъ и подземныхъ трубахъ
уже нѣсколько тысячелѣтій; 3) наблюденіями
надъ камнями, изъ коихъ выстроены тиф-
лисскіе домашніе очаги и которые въ Евро-
пѣ попадаются лишь въ ископаемомъ видѣ; 4)
научною сортировкой краугольныхъ
камней, на которыхъ видѣтся наша обще-
ственная жизнь и которые въ Европѣ такъ
же можно встрѣтить лишь въ ископаемомъ
видѣ. Наконецъ, тифлисскій археологическій
съѣздъ имѣетъ полнѣйшую возможность по-
дробно заняться вопросами нумизматическа-
го свойства, для каковыхъ наблюденій мно-
го интереснаго могутъ представить наши
тифлисскіе банки и кредитныя учрежденія
и въ каковыхъ работахъ хорошими и опыт-
ными сотрудниками съѣзда могутъ быть ху-
дожникъ г. Касумовъ и представители столь
интереснаго для археологовъ генеалогиче-
скаго дерева „Багратионовъ“...

СТАРОСТЬ И ЮНОСТЬ

Чужды вѣры въ обновленье,
Всюду видя лишь грѣхи,
„Близко свѣтопреставленье!“
Восклицаютъ старики.

Я улыбкой отмѣчаю
Простодушный этотъ вздоръ
И съ надеждой устремляю
Въ даль грядущаго свой взоръ.

Въ современномъ безпорядкѣ,
Окружающемъ меня,
Строя лучшаго зачатки
Подмѣчаю всюду я.

Такъ всегда: гдѣ въ смерти чаеъ
Старость лишь найти исходъ,
Юность тамъ себѣ черпаетъ
Силы двигаться впередъ.

А. Б.

НЕВИННЫЕ РАЗСКАЗЫ

I

Прожектъ совѣтника Вольнодумова.

Въ одинъ прекрасный день совѣтникъ Вольнодумовъ былъ уволенъ, согласно прошенію, отъ занимаемыхъ имъ должностей съ оставленіемъ во всѣхъ почетныхъ званіяхъ, коими кавалеръ сей пользовался. Подчиненные Вольнодумова по этому поводу таинственнымъ шепотомъ говорили, что ихъ „генералъ“ потерялъ по причинѣ своихъ слишкомъ уже либеральныхъ убѣжденій; товарищи Вольнодумова и начальство, напротивъ того, съ улыбкой объясняли, что онъ, Вольнодумовъ, хотя и достойнѣйшій человекъ, но окончательно выжилъ изъ ума, почему и не могъ долѣе быть оставляемъ у дѣлъ, такъ какъ всѣ свои способности, кромѣ искусства рассказывать скабрзные анекдоты, невозвратно растерялъ. Такъ или иначе, но такая жестокая несправедливость судьбы оскорбила до глубины душевной Вольнодумова. Разыскивая причины такого неожиданнаго событія, онъ болѣе склонялся къ мнѣнію своихъ подчиненныхъ и даже открыто, въ присутствіи родныхъ и знакомыхъ, сказалъ: „Я знаю, что я терплю за свой либеральный образъ мыслей“... Въ эту минуту его тонкія губы скривились въ саркастическую улыбку, и улыбка эта навсегда запечатлѣлась на его гладко выбритомъ, морщинистомъ лицѣ. Онъ рѣшилъ уѣхать въ свое „Монрепо“ и тамъ оправиться отъ ударовъ судьбы. Супруга Вольнодумова безропотно переносила эти черные дни и лишь ближайшимъ подругамъ своимъ говорила: „Сколько разъ я ему совѣтовала: не либеральничай... не то теперь время!“... Когда она говорила это, въ голосѣ ея звучала грустная укоризна, но тѣмъ не менѣе было замѣтно, что она съ гордостью относится къ героической стойкости убѣжденій своего мужа. Изъ всей семьи Вольнодумовыхъ отъ души былъ радъ всей этой метаморфозѣ только старшій сынъ — гвардіи ротмистръ, такъ какъ отбѣздъ родителей въ „Монрепо“ избавлялъ его отъ горькой необходимости присутствовать на фамильныхъ обѣдахъ и вечерахъ и давалъ ему возможность всю свою жизнь посвятить „Эльдорадамъ“ и „Орфеумамъ“, а семейный очагъ замѣнить „Семейнымъ садомъ“.

Въ Монрепо потекла тихая деревенская жизнь, но тишина эта не только не успокоила Вольнодумова, а, напротивъ того, еще болѣе раздражила его оскорбленное самолюбіе. Слезы и упреки жены, просьбы ея о томъ, чтобы онъ не изводилъ себя, были напрасны. Вольнодумовъ угрюмо и взволнованно ходилъ по комнатамъ, злобно приговаривая: „Посмотримъ, къ чему приведетъ этотъ обскурантизмъ!“— „О, они скоро опомнятся и призовутъ меня къ дѣлу“.— „Безъ меня не обойдутся“.— „Я покажу себя“ и т. п. Черезъ мѣсяць, убѣдившись въ томъ, что его еще

не вспомнили, онъ рѣшилъ заняться литературой и издавать брошюры, дабы брошюрами этими показать, какой свѣтлый умъ и какія блестящія способности „они“ устранили и упразднили. Онъ заперся въ кабинетъ и началъ писать брошюру: „О необходимости прогрессивныхъ измѣненій по службѣ гражданской и замѣнѣ франныхъ вицмундировъ скюртучными для лицъ, служащихъ по оной“. Исписавъ нѣсколько листовъ, онъ бросилъ эту тему и началъ писать: „О неотлагательной нуждѣ преобразованій по части веденія исходящихъ и входящихъ журналовъ по службѣ гражданской вообще и по вѣдомству министерства финансовъ въ особенности“. Перебравъ съ десятокъ темъ по части либеральныхъ преобразованій, Вольнодумовъ пришелъ къ заключенію, что издавать брошюры въ его чинѣ и положеніи неприлично, что его за эти брошюры могутъ многого лишити и, лишивъ, признать отступникомъ и нигилистомъ. Испугавшись этой мысли, онъ счелъ за лучшее написать прожектъ какой-либо наиболее необходимой реформы и прожектъ этотъ представить по начальству. Мысль эта улыбнулась Вольнодумову, и черезъ 10 дней прожектъ былъ уже готовъ. Вотъ, что онъ написалъ:

Прожектъ учрежденія свободы печати.

Неустанно наблюдая за теченіями российской жизни и имѣя въ виду, что Россійское государство, подчиняясь неизбѣжнымъ законамъ всемирной исторіи, должно идти по пути прогресса и все болѣе и болѣе расширять рамки правильнаго, не забѣгающаго впередъ, но и не уходящаго назадъ, проявленія общественной жизни, я нашелъ, что настала уже пора, дабы учредить въ Россіи свободу печати. Таковой реформы опасаться не надлежитъ, ибо хотя между литераторами и публицистами и есть много враговъ своего отечества, проповѣдующихъ тлетворныя идеи, но, съ другой стороны, тѣмъ не менѣе, безъ сомнѣнія, имѣются въ литературѣ и истинные патриоты своего отечества, которые, получа возможность свободно изъясняться, дадутъ отпоръ злонамѣреннымъ писателямъ и съ корнемъ истребятъ ихъ тлетворныя ученія уже по одному тому, что Добро всегда торжествуетъ надъ Зломъ. Въ виду сихъ соображеній и российскаго блага ради, я осмѣливаюсь почтительнѣе представить на благоусмотрѣніе вашего сіятельства сей мой прожектъ, въ общихъ чертахъ изложенный, обѣщаясь, въ случаѣ одобренія вашего сіятельства, развить прожектъ сей въ надлежащихъ подробностяхъ.

Учрежденіе свободы печати.

Статья 1. Русская печать признается вполне свободной. Свобода печати, симъ учрежденная, за исключеніемъ случаевъ въ нижеслѣдующихъ статьяхъ изложенныхъ, неограниченна.

Статья 2. Печать не должна касаться

дѣятельности лицъ и учреждений. Никакая критика по этимъ предметамъ не допускается.

Статья 3. Печать можетъ свободно критиковать и даже осуждать постановленія земскихъ и городскихъ собраній, но лишь въ томъ случаѣ, если извѣстно, что мѣстные власти къ симъ постановленіямъ неодобрительно относятся.

Статья 4. О частной жизни лицъ, состоящихъ на государственной службѣ, а равно и о злоупотребленіяхъ, ими допускаемыхъ, ничего печатать не дозволяется. Что же касается до лицъ, по выборамъ служащихъ, то о нихъ всякая критика допускается, но не иначе, какъ по одобреніи оной критики мѣстными властями.

Статья 5. Какъ предварительная, такъ и карательная цензуры упраздняются. Преступленія и проступки по дѣламъ печати вѣдаются общими судебными установленіями.

Статья 6. Всякая книга, брошюра и періодическое изданіе, по отпечатаніи оныхъ въ типографіи, должны немедленно представляться для просмотра мѣстному полицмейстеру и можетъ выдти въ свѣтъ не иначе, какъ послѣ полученія отъ административныхъ лицъ дозволенія на выпускъ билета.

Статья 7. Въ видѣ административныхъ карательныхъ мѣръ, безъ суда ближайшею полицейскою властью налагаемыхъ, допускаются токмо: запрещеніе объявленій, временная пріостановка органа печати и наложеніе денежнаго штрафа на редактора, въ размѣрѣ не болѣе 10 и не менѣе одной тысячи рублей. Въ чрезвычайныхъ же случаяхъ всякій органъ печати можетъ быть и совсѣмъ закрытъ, а редакторъ и сотрудники онаго подвергнуты тюремному заключенію, на срокъ не болѣе года.

Когда прожектъ этотъ былъ переписанъ четкою рукою деревенскаго писаря, Вольнодумовъ сначала хотѣлъ, никому ничего не говоря, послать прямо прожектъ сей по назначенію. Но потомъ онъ рѣшилъ посоветоваться съ женою. Когда чтеніе прожекта было окончено, Вольнодумова всплеснула руками и воскликнула.

— Что же это?!.. Ты окончательно хочешь погубить и себя и дѣтей?!.. Свободу печати... а?!.. Свободу печати провозглашаетъ!..

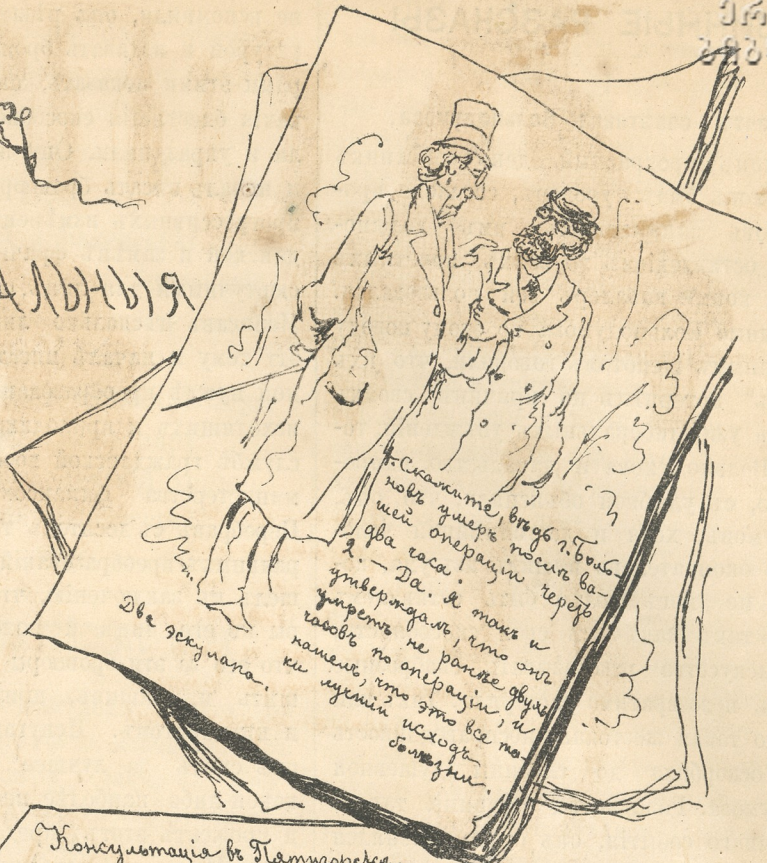
— Мой другъ, отступать отъ своихъ убѣжденій я никогда....

— Довольно... довольно мы страдаемъ отъ этихъ твоихъ убѣжденій. Опомнись! Пожалѣй дѣтей: ты знаешь, что за этотъ прожектъ, на смотря на чинъ твой и на званіе, тебя могутъ... Она залилась слезами. Затѣмъ истерика, обморокъ, лавро-вишневые капли постель, горчишники къ пяткамъ и бромистый кали. Вольнодумовъ заперся въ кабинетъ и всю ночь не спалъ, угрюмо шагая по комнатамъ.

На другой день всѣ экземпляры прожекта были торжественно сожжены въ присутствіи всей семьи отрезвившагося либерала.

Черный Скорпионъ.

04036940
0000000000

Консультация в Памперсвилле

1. Я поспешно осматриваю, нахожу у него мышечный ревматизм.

2. Соглашаясь с вами, я не могу не указать на пороки сердца субъекта.

3. Ревматизм и пороки сердца не сомнительны, но прежде всего анемия.

4. Находя ваши анализы, особенно, совершенно основательными, я только не менее подробно указываю на катаркт желудка и полагаю больному пить № 11 полагать с молоком.

5. К пациенту. Мы находим необходимо отправить вас в Дессельтунги, где вы должны пить в течение месяца № 11 по два полстакана с молоком, а затем посмотреть.

Врач. — Помилуйте! К чему же вам № 11, когда у вас уже пекет? Отправьтесь в Желтоводск, купите № 11 в аптеке, попейте и отдохните!

Из Желтоводска.

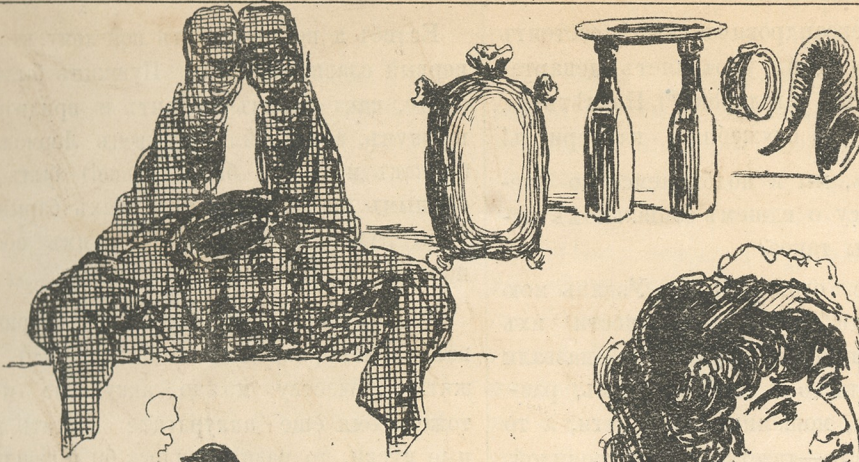
Врач. — У вас, милый, просто напросто потная лихорадка. Я вам пропишу лимон, утром и вечером по ложечке.

Рис. М. Тимофеев

— Домой, домой! Черт бы вас взял! От одного случая, при таком разном образе болезни, я чувствую столько сил и энергии, что не пробую в состоянии упадка, но даже икать по вкусу во всем...

Много до этого писалось по этому поводу. Не знаю.

Великие бур... тьфу! радостно
благородному собранию.

Душка-татский,
раздумывающий,
не пора-ли мах-
нуть в Дивадродо,
пока еще не разо-
тхались оттуда инте-
ресная кепачки

Старый марсов сын
своими
любезностями обраца-
ющий в общество не
только невинных деви-
но и испитаннских
жен.

Мостские плюшкины,
зная, что всякая вещь в
хозяйстве пригодится,
не пренебрегают и свиты-
ми огарками.
(Вильгельм Негисдорфел).

- Уф! Карашан
Карашанович! И да-
кль сюда пускают
баб! Некуда от-
сюда идти, от-
дохнуть негде.
Пойдем в Диб-
дродо!...

- Человек! Как же ты
подаешь сырое бже? Возови
старшину!
- Напрасно, сударь, изволите беспоко-
иться, - у нас другого не полагается,
такое беречь от пражи, -
без просушки демале.

ВСТРЪЧИ

Фантастическій фелетонъ

(Продолженіе *)

II

На другой день мы опять сошлись на томъ-же мѣстѣ въ Александровскомъ саду. Былъ тихій и свѣтлый вечеръ; молодой мѣсяцъ бѣлымъ серпомъ вырѣзывался изъ за горы Давида. Послѣ удушливаго дня мы жадно глотали свѣжесть надвигающейся ночи и съ первыхъ-же глотковъ замѣтили, что свѣжесть эта была подозрительнаго качества, — она имѣла особенный противный вкусъ и запахъ большого человѣческаго гнѣзда, въ которомъ санитарные порядки упразднены, какъ лишняя прихоть.

Мы закурили настоящіа гаванскія регалии Педро Веласкеца—вовсе не прихоть для мыслящаго пролетарія — и продолжали вчерашнюю бесѣду.

— Вы, государь мой, вчера изумились и не повѣрили такой простой, пустяшной вещи, какъ существованіе дѣвицы Тамары, — началъ Демонъ докторальнымъ тономъ, — вы меня нѣсколько обидѣли...

— О, нѣтъ, я не хотѣлъ... по крайней мѣрѣ... извините пожалуста!..

— Я васъ прощаю: вы человѣкъ...

Демонъ насмѣшливо пустил клубъ дыма ароматной сигары. Мнѣ показалось, что въ этомъ дымѣ зашлись струйки синеватаго пламени—фокусъ очень употребительный у всѣхъ адептовъ чревоущанія и натуральной магіи, отъ знаменитаго профессора Боско до не менѣе знаменитаго экзъ-профессора, нынѣ преподобнаго отца, Цитовича. Но, конечно, это былъ обманъ зрѣнія, испорченнаго царящею вокругъ тьмою, въ которой брежжутъ огоньки тифлисскихъ фонарей...

— Да, человѣкъ, — продолжалъ онъ; а всѣ вы, бѣдныя, маленькіе человѣчки близоруки и ужасно боитесь вольнаго взмаха мысли, неограниченной широты пониманія. Все — и прежде всего свою собственную свободу мышленія — вы норовите ограничить, съуздить, всякое явленіе свести на степень грубаго факта, передъ которымъ раболѣпно преклоняетесь... Бѣдняки!.. Но я вамъ все прощаю...

— Очень вамъ благодарны. Но я ужъ увѣровалъ, т. е. въ Тамару-то увѣровалъ и надѣюсь въ непродолжительномъ времени позать ея тепленькую ручку.

— Это можно, ничего, ручку жмите, только не сегодня... Сегодня я васъ, другъ мой, огорошу такимъ открытіемъ, что вы точно, можетъ статься, сочтете меня за высочившаго изъ сумасшедшаго дома, или за дѣйствительнаго статскаго совѣтника Хлестакова... (Мнѣ доподлинно извѣстно, что милѣй-

шій Иванъ Александровичъ нынѣ состоитъ въ этомъ чинѣ и одинъ управляетъ департаментомъ „новостей и здоровъ“). Но нѣтъ-съ, я не маніакъ и не служебный карьеристъ!

— Вотъ-вотъ, мы и подбираемся ко вчерашнему вопросу о вашемъ социальномъ положеніи. Что вы такое?

— Позвольте оговориться. Узнавъ мою профессію, люди, по ограниченности ихъ понятій и рутинности выраженій, назвали бы меня журналистомъ, публицистомъ, разбойникомъ пера, мошенникомъ печати, а то пожалуй и просто—газетчикомъ, строчилой, паразитомъ и т. д. Мало-ли теперь у васъ выдуманно кличекъ и остроумныхъ и беззубо-злыхъ для уязвленія журнальной братіи! Но я не совсѣмъ обыкновенный журналистъ... Я не издавалъ и не издаю ни одной газеты, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, нѣтъ газеты, которая издывалась бы безъ моего прямаго и, такъ сказать, импонирующаго участія. Хлестаковъ вралъ, что сочиняетъ всю русскую литературу, а я докажу фактами, что дѣйствительно заправляю всѣмъ журнальнымъ міромъ. Началъ я заниматься этимъ дѣломъ давно: я первый пустил въ оборотъ знаменитую фразу „въ настоящее время, когда...“

Одни ее лепетали съ младенческою искренностью, другіе смекнули, что тутъ мои шуточки, и подняли на смѣхъ наивныхъ глупышей, пошла журнальная потѣха, а мнѣ только того и надо... Не одна пресса, а весь вашъ бѣдный міръ заснулъ бы, заглохъ, оцѣпенѣлъ безъ такихъ пѣтушиныхъ схватокъ закулиснымъ авторомъ которыхъ всегда былъ вашъ покорѣйшій слуга. Вы не можете себѣ представить, какъ адски-весело стравить горяченькихъ бойцовъ, шепнувъ одному то, другому другое объ одномъ и томъ-же предметѣ — и смѣяться себѣ въ бороду, напередъ зная, что изъ этого выйдетъ...

— Однако, честно-ли это; Демонъ?

— Незнаю. Но извѣстная цѣль достигается. Вѣдь не въ аду же, а на вашей землѣ выдуманъ афоризмъ: „цѣль оправдываетъ средства“. Я вамъ сказалъ уже, что зло мнѣ дьявольски наскучило, что безъ толку летать надъ вершинами Кавказа мнѣ опротивѣло — притомъ я тамъ очень озябъ — и, спустившись на землю, я приступилъ къ новому дѣлу, и вошелъ въ него, какъ и въ келью Тамары,

.... Любить готовый,

Съ душой открытой для добра...

И кое-что успѣлъ сдѣлать. Оглянитесь на прошлое: еслибъ я не внушалъ барину-Скарятину и всѣмъ господамъ его масти (ихъ въ ту пору величали крѣпостниками), — что мужикъ долженъ жить впроголодь, имѣть образъ звѣринный и только три аршина земли на погостѣ, — повѣрьте, мужикъ этотъ до сихъ дней не получилъ бы нѣкотораго подобія человѣческой полноправности.

Еслибъ я не подсказалъ кой-кому, что мой первый славный пѣвецъ Пушкинъ былъ не болѣе, какъ бариць-сибаритъ и придворный шаркунъ, а другой мой пѣвецъ Лермонтовъ (о, какъ мнѣ это было больно!) былъ альбомнымъ поэтикомъ золотушныхъ барышень — вы думаете, поставили бы имъ обоимъ помятники? Никогда-съ!

Еслибъ я не подзадорилъ патриотовъ всѣхъ четырнадцати классовъ, что служить отечеству можно аккуратно и въ тоже время еще аккуратно же хватать жирные куски, то развѣ явилось бы и вошло бы въ модный лексиконъ новое слово „хищеніе“?... Да куда ни бросьте взглядъ, школьное дѣло, самоуправленіе, банковскія благодѣянія, желѣзно-дорожные гешефты — все, весь строй жизни, отразившись въ журналистикѣ, вызывалъ безошадныя потасовки, усобицу, домашнюю травлю... И, право, оно недурно. Глядишь, мыльные пузыри, раздуваясь до нелѣпицы, лопаются, фантастическія чудища пожираютъ самихъ себя — и родъ людской въ выигрышѣ!

— Стало быть, вы довольны нашей печатью?

— Какъ все человѣческое, печать ваша не безъ грѣха, но, по крайней мѣрѣ, въ ея самыхъ крупныхъ и извѣстныхъ представителяхъ я вижу ревностныхъ исполнителей моихъ внушеній, а о мелюзгѣ и говорить не стоитъ: это — газетная филоксера... Сколько-бы виноградниковъ не испортила филоксера, все-таки останется достаточно винограда, чтобы намъ съ вами выпить бутылку добраго вина.

— Славно сказано! Вышьемъ!

— Идетъ!

Мы направились къ буфету гражданина Шенинга, который соблаговолилъ дать намъ бутылку вина кахетинскихъ помѣщиковъ.

— Задачи вашей дѣятельности, стало быть, лежатъ въ Петербургѣ и Москвѣ, а здѣсь-то что вы дѣлаете? И я, въ свою очередь, спрошу васъ: зачѣмъ вы въ Тифлисѣ?

— Я и тамъ, и здѣсь, и вездѣ — это мнѣ нипочемъ! На дняхъ еще я былъ тамъ при рожденіи „Новой газеты“. Бѣдная малютка! Еще не успѣли у нея зубки прорѣзаться, какъ ужъ капутъ... временный, конечно.

Вообще, я вамъ скажу, тамъ стало трудно. Нѣтъ музыкальнаго ансамбля: одни галдятъ во всю ивановскую, у другихъ строжайшая сурдина... Нельзя никакъ учинить честнаго, равносильнаго поединка, а безъ этого мои усилія не приведутъ ни къ чему путному; развѣ вольные горланы охриннутъ, или устыдятся... Долго придется ждать. Да еще часто нынче приходится слышать: „а ну васъ къ лѣшему! Отстаньте, не смущайте, — видите, что мы въ газету капиталъ вложили (да и капиталъ-то еще чужой — гешефтмахеры

*) См. № 35 „Фаланги“

снабдили), а вы хотите, чтобы мы, в угоду вашим фантазиям, третьего предостережения добились и на мель съли: проваливайте! Приходите послѣ!“ Такъ вотъ-съ, въ ожиданіи этого *послѣ* я захирѣлъ, затосковалъ и отъ скуки бездѣлья сталъ высматривать, нѣтъ ли гдѣ такого уголка, въ которомъ соединялись бы все благоприятныя условія для моей полезной дѣятельности. Условія эти слѣдующія: 1) достаточный контингентъ храбрыхъ людей, готовыхъ не признавать никакихъ преградъ и опасностей, и даже изрѣдка показывать кукиши въ карманѣ, и 2) упрощенный способъ издавать газету не только безъ капитала, но даже и безъ подпсичиковъ.

Здѣсь, въ Тифлисѣ, я обрѣлъ эти условія, и сначала усердно принялся за дѣло. Вскорѣ послѣдовали горькія разочарованія... Но о моихъ мытарствахъ я вамъ повѣдаю въ слѣдующій разъ.

(Продолженіе будетъ).

А.—мъ.

ПАРИЖЪ

(Корреспонденція Фаланги).

Въ новой палатѣ депутатовъ въ Парижѣ будутъ заседать 459 республиканцевъ и 88 монархистовъ и бонапартистовъ. Замѣчательно, съ какою быстротой уменьшается число послѣднихъ. Поклонники разныхъ заштатныхъ принцевъ лишь шесть лѣтъ тому назадъ составляли въ національномъ собраніи большинство, въ 1876 же году, при новыхъ выборахъ, половина ихъ кандидатовъ потеряла свои мѣста; въ настоящей палатѣ ихъ всего около 150 человекъ, а въ будущей они займутъ лишь 88 мѣстъ.

На основаніи этихъ цифръ можно предположить, что черезъ нѣсколько лѣтъ легитимисты, орлеанисты и бонапартисты, какъ замѣчательная рѣдкость, будутъ содержаться въ кунсткамерѣ.

Многіе предполагали, что, по возвращеніи коммунаровъ во Францію, настоящее мирное правительство мгновенно рухнетъ на выборахъ, парламентъ попадетъ въ руки красныхъ и воцарится нѣчто въ родѣ страшнаго конвента 93 года, или коммуны 1871 г.

Все такія предсказанія оказались на дѣлѣ въ высшей степени комичными. Настоящее сильное правительство нисколько не пострадало отъ горести возвращенныхъ изъ ссылки революціонеровъ. Послѣдніе на новыхъ выборахъ имѣли успѣхъ меньшій, чѣмъ монархисты. Самъ Рошфоръ отказался отъ кандидатуры въ палату, чувствуя свое безсиліе среди остальныхъ парламентскихъ группъ. Жюль Валесъ послѣдовалъ его примѣру, а всемірный и вѣчный революціонеръ Феликсъ Піа получилъ лишь 300 жалкихъ голосовъ.

Въ новой палатѣ болѣе двухъ третей депутатовъ будетъ на сторонѣ нынѣшняго правительства. Но это громадное большинство дѣлится на двѣ, почти равныя, половины, что и составляетъ интересъ дня.

Меньшая половина принадлежитъ старой, идеалистической республиканской партіи; другая большая—молодой, практичной и энергичной Франціи. Во главѣ первой стоитъ нынѣшній министръ-президентъ Жюль Ферри, а во главѣ второй „нравственный диктаторъ страны“ и президентъ распускаемой палаты Леонъ Гамбетта. Президентъ же республики, Жюль Греви, хотя и вышелъ изъ первой группы, но въ настоящее время, какъ истый законникъ, исполняетъ свою обязанность—стоитъ на нейтральной почвѣ, какъ неответственный глава государства. Правда, разные корреспонденты и политики неоднократно атаковывали его, съ цѣлью узнать его мнѣніе о томъ или другомъ жгучемъ вопросѣ дня, но онъ всегда выходилъ побѣдителемъ при подобныхъ искусахъ и „ловко молчалъ“ при горячихъ схваткахъ партій, какъ это было недавно, въ вопросѣ о способахъ парламентскихъ выборовъ. Во время министерскаго кризиса онъ всегда умѣетъ скрыться въ какихъ-нибудь родныхъ лѣсахъ, куда часто отправляется охотиться. Онъ и теперь, во время избирательной горячки, играетъ на билліардѣ въ какомъ-то Монъ-сю-Водре.

Совсѣмъ въ иномъ положеніи Жюль Ферри и Гамбетта; они—главы партій и ведутъ безустанную борьбу. Они обязаны говорить много и часто, и съ большимъ искусствомъ исполняютъ эту обязанность: произносятъ длинныя рѣчи въ многочисленныхъ собраніяхъ, постоянно летая изъ одного города въ другой, отъ одной группы избирателей къ другой.

Французская печать занята въ настоящее время исключительно этими двумя личностями. Вопросъ идетъ о томъ, какъ соединить эти двѣ партіи, и кому быть ихъ предводителемъ. Вопросъ всецѣло сводится на личную почву, такъ какъ обѣ партіи держатся однихъ и тѣхъ-же принциповъ: обѣ онѣ—умѣренно-прогрессивно-республиканскія, обѣ онѣ съ одинаковою силою борются съ бонапартистами и „непримиримыми“ радикалами и социалистами, составляющими, впрочемъ, въ палатѣ незначительное меньшинство.

Личный же составъ обѣихъ умѣренно-республиканскихъ партій, какъ сказали мы выше, различается значительно. Умѣренная лѣвая состоитъ изъ республиканскихъ идеалистовъ сороковыхъ годовъ, воспитавшихся на оппозиціи; они—хорошіе профессора, ораторы, адвокаты, писатели,—вообще талантливые теоретики, но вдоволь истрепавшіеся въ борьбѣ съ прежними правительствами, они теперь теряются при новой работѣ, при

практическомъ осуществленіи своихъ завѣданныхъ мечтаній. Одинъ изъ лучшихъ представителей этой группы, Жюль Фавръ, въ 1871 г., при заключеніи мира съ Пруссіею, плакалъ и мелодраматически восклицалъ: „не уступимъ ни одной пяди нашей земли, ни одного камня нашихъ крѣпостей!“—и это въ то время, какъ его собесѣдникъ, хитроумный Бисмаркъ, холодно соображалъ, сколько нужно взять у Франціи милліоновъ населенія, милліардовъ франковъ, и квадратъ миль территоріи.

Гамбетта же и оппортунисты не плакали и не ораторствовали, а дѣйствовали; дѣйствовать продолжаютъ они и теперь, и вотъ, почему ихъ глава пользуется такимъ громаднымъ авторитетомъ во Франціи. Будетъ ли онъ первымъ министромъ, или же останется попрежнему президентомъ собранія—все равно: руководителемъ внутренней и вѣшной политики онъ былъ и будетъ; въ этомъ никто не сомнѣвается. Въ настоящемъ году онъ понесъ много поражений: онъ провалился въ сенатѣ со своею системою департаментскихъ выборовъ; онъ былъ опіканъ и забалотированъ въ бельвильскомъ округѣ; но все эти поражения быстро превращались въ блестящія побѣды, и слава „нравственнаго диктатора“ растетъ съ изумительною быстротою. Непринятіе сенатомъ его системы выборовъ усилило его во мнѣніи радикальнаго крыла республиканскаго союза, а скандалъ въ Бельвилѣ примирилъ съ нимъ умѣренныхъ либераловъ: послѣ неудачи въ этомъ округѣ, Гамбетта получилъ 11,000 поздравительныхъ телеграммъ по случаю послѣдняго выбора. Родись Гамбетта въ бюрократической Германіи, при немъ образовалось бы давно нѣсколько телеграфныхъ департаментовъ съ особыми директорами, начальниками отдѣленій и прочими должностями по полному штату, съ полными окладами. Родись кто-нибудь со славой Гамбетты въ феодальной Испаніи, онъ давно былъ бы великолѣпнымъ грандомъ и владѣтелемъ десятковъ тысячъ десятинъ, но Гамбетта—произведеніе молодой Франціи, и онъ не болѣе, какъ скромный труженикъ, жертвующій всего себя своему великому отечеству.

Ез.

НИЩІЙ СЛУГА

У баръ обиль я все пороги,
Проя работы; но бѣда:
Ко мнѣ не въ мѣру были стрѣги,
Меня увидѣвъ, господа...

Сначала я тому дивился,
Но скорѣ понялъ, въ чемъ все зло:
Бѣднякъ, въ отренья я радился,
И оттого мнѣ не везло!

А. Лезъ.

ВЪ ОТДѢЛЕНИИ

МЕЖДУНАРОДНАГО ТЕЛЕГРАФНАГО АГЕНТСТВА

30 августа, 1881 года, 11 часовъ утра. Входить посланный съ запиской на имя агента международного телеграфнаго агентства. Какой-то комерсантъ проситъ прислать съ подателемъ записки копію телеграммы. Агентъ пишетъ: „Увеличеніе столовыхъ генераламъ и офицерамъ; георгиевскія знамена терскому войску. Курсы на Лондонъ... на Парижъ... къ вечеру слабо“...

Посланный уходитъ.

— Черезъ нѣсколько минутъ входитъ другой... Опять записка и о томъ-же..

— „Скажите, что къ вечеру слабое... больше ничего“, говоритъ агентъ.

Является новое лицо.

— Не могу ли я купить сегодняшнюю телеграмму?

— Нѣтъ-съ, здѣсь не продаются телеграммы, отвѣчаетъ спрашиваемый.

— Не могу ли я узнать сущность?— настаиваетъ посѣтитель.

— Увеличеніе столовыхъ...

— Я не служу... нѣтъ ли чего болѣе общаго?

— Къ вечеру слабо..

Является опять новый посѣтитель.

— Здѣсь агентство?

— Вы вѣрно на-счетъ сегодняшней телеграммы? Еще не получена. Если получимъ, то завтра будетъ напечатана.—

Слѣдуютъ извиненія, и посѣтитель удаляется.

— Есть телеграмма? спрашиваетъ благообразной наружности чиновникъ, подавая руку агенту.

— О, Господи! да чего вы ожидаете? отвѣчаетъ вопросомъ на вопросъ несчастный агентъ.

— Ничего, я такъ, ради любопытства собственно.

— Вотъ вамъ телеграммы! Неси ихъ скорѣе—обращается агентъ къ разносчику—и, извиняясь передъ посѣтителемъ, спѣшитъ уйти...

— На лѣстницѣ его опять кто-то встречаетъ, и я слышу:

— Ну что, есть телеграмма?

— Настроеніе слабое...

Чего они сегодня такъ расходились?!

ФАЛЬШИВАЯ ТРЕВОГА

НА ПОТИ-ТИФЛИССКОЙ ЖЕЛѢЗНОЙ ДОРОГѢ.

Поти-тифлисская желѣзная дорога не бѣдна курьезами. По сообщенію грузинской газеты „Дрозба“, 25 августа произошелъ на этой дорогѣ слѣдующій курьезный случай: товарному поѣзду №, 45 между станціями Квирилы и Дзирули, на 120 верстѣ, былъ показанъ красный флагъ. Машинистъ и кондукторъ переполошились, и поѣздъ, при общемъ смятеніи, немедленно былъ остановленъ, такъ какъ, красный флагъ знаменовалъ либо порчу полотна дороги, либо какой-нибудь другой несчастный случай.

Между тѣмъ оказалось, что сторожъ остановилъ поѣздъ только для того, чтобъ предъявить машинисту жалобу на его кочегара: сторожъ говорилъ, что кочегаръ стащилъ у него вчера кувшинъ изподъ вина и что кувшинъ, вѣроятно, гдѣ-нибудь въ вагонѣ припрятанъ. „Поищите—говорилъ сторожъ—пожалуйста: для этого я и остановилъ поѣздъ“. Какой былъ отвѣтъ машиниста и вообще дальнѣйшія подробности дѣла, къ сожалѣнію, корреспонденту „Дрозба“ неизвѣстно. Онъ только отмѣчаетъ дальнѣйшій характерный эпизодъ этой исторіи, а именно, что кондукторы съ необыкновенною ловкостью утилизировали этотъ случайный, можно сказать, экстренный привалъ поѣзда: они сдѣлали легкой набѣгъ на ближайшіе кукурузные посѣвы и набрали для себя цѣлые мѣшки кукурузы.

БЮЛЛЕТЕНЬ УЖАЛЕННЫХЪ „ФАЛАНГОЙ“

№ 4-й: *Михаилъ Катковъ* (mania furiosa).

18 августа. № 4-й доставленъ въ больницу въ лихорадочномъ состояніи; больной постоянно спрашиваетъ, кого подразумѣвалъ Щедринъ подъ „свиней“, долженствующей съѣсть правду, и кто долженъ быть этотъ Капоттъ, котораго „обстоятельства застаютъ стоящимъ на высотѣ положенія“.

Для успокоенія больного, прочитано сочувственное письмо, адресованное къ нему г. Булюбашемъ.

19 августа. Больной спалъ спокойно. Пульсъ нормальный. Есть сомнѣніе, что болѣзнь притворная, чтобы подъ предлогомъ этой болѣзни не платить арендныхъ денегъ за „Московскія Вѣдомости“.

Впрочемъ, организмъ такъ разстроены постояннымъ притворствомъ, что сильное потрясеніе можетъ вызвать непритворное умопомѣшательство...

21 августа. По оплошности дежурнаго сторожа, больному попалась въ руки „Фаланга“, подъ № 27, сильно ужалившая несчастнаго. Снова появилось лихорадочное состояніе.

22 августа. Больной бредитъ; въ бреду припоминаетъ разные бывшіе съ нимъ неприятные случаи и приписываетъ таковыя—редакторамъ и сотрудникамъ сатирическихъ журналовъ.

Такъ, напримѣръ, извѣстно, что на Пушкинскомъ праздникѣ никто изъ присутствовавшихъ не пожелалъ чокнуться съ редакторомъ „Московскихъ Вѣдомостей“, и когда имъ протянута была рука, то тоже никто не рѣшился пожать ее. Наконецъ, ужъ г. Гайдебуровъ вошелъ въ неловкое положеніе „патріота своего отечества“ и протянулъ ему руку. Никто однакожъ не послѣдовалъ примѣру мягкосердечнаго и неразборчиваго Гайдебурова... И вотъ теперь больной воображаетъ въ такомъ ужасномъ положеніи, въ какомъ онъ самъ былъ на этомъ праздникѣ, всѣхъ сотрудниковъ сатирическихъ журналовъ...

26 августа. Больной написалъ большую передовую статью для № 236 „Московскихъ Вѣдомостей“, въ которой доказываетъ, что государственныя основы потрясены тѣмъ, что цензура допускаетъ рисовать карикатуры на него, Каткова, патріота своего отечества.

Статья оканчивается словами: „судебная процедура ведетъ только къ злѣйшему поруганію общественной нравственности“.

Симптомы опасны; больной очень плохъ.

27 августа. Умопомраченіе полное. Несчастный составилъ проэктъ о созывѣ международного конгресса, для обсужденія вопроса о выдачѣ „Московскимъ Вѣдомостямъ“, всѣхъ юмористическихъ и сатирическихъ писателей и карикатуристовъ и о лишеніи ихъ права убѣжища во всѣхъ странахъ какъ стараго, такъ и новаго свѣта.

Редакторъ-издатель ИВ. ПИТОВЕВЪ.

О Б Ъ Я В Л Е Н І Я .

Дезинфекціонныя средства.

Желѣзный купоросъ, хлористая известь 100% содержания хлора, перекись марганца и карболовая кислота 40% получены въ большомъ количествѣ и превосходнаго качества въ аптекарскомъ складѣ В. И. Гривнака подъ гост. Лондонъ.

(3) 30—24.

ПОДПИСКА НА 1881 ГОДЪ
ХУДОЖЕСТВЕННО-ЮМОРИСТИЧЕСКАГО ЖУРНАЛА

„ФАЛАНГА“

ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Гг. подписчики могутъ получать журналъ съ 1 номера настоящаго года.